

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Слово въ 40-й день блаженнаго кончины Государя Императора Александра III *).

Душа Его во благихъ водворится (Пс. 24, 13).

Вотъ ужь сорокъ дней, съ вѣрою во исполненіе этихъ словъ, молится православная Россія объ упокоеніи души своего безвременно почившаго Монарха. Горе, постигшее насъ, такъ велико; чувство скорби такъ сильно и глубоко, потеря такъ невозвратима, что эти братскіе протекшіе дни, при всеуничтожающемъ свойствѣ времени, не могли еще заживить сердечную рану, облегчить тяжесть душевной горести. Скорбятъ и тужить русскій народъ о постигшемъ его несчастіи, но скорбятъ *не яко же и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 13). Искони, отъ лѣтъ древнихъ, во все время своей исторической жизни, въ тяжелыя минуты горя, страданія и испытаній, народъ этотъ привыкъ черпать утѣшенія въ глубинахъ своего религіознаго духа, въ церковной молитвѣ, въ сладостномъ ученіи своей вѣры православной. Сущность и сила этого ученія въ тѣхъ великихъ обѣтованіяхъ безсмертія, по смыслу которыхъ земная жизнь наша есть не болѣе, какъ преддверіе жизни будущей: *аще вѣруемъ, яко Иисусъ умре и воскресъ, тако и Богъ умершихъ во Иисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. 4, 14), приведетъ къ той славѣ, той полнотѣ бытія, которая зрится

*) Прознесено въ Смоленскомъ каедр. соборѣ.

очами вѣры въ сіяющей и свѣтоносной личности Господа Иисуса. Она же, святая вѣра, открываетъ намъ, что эта полнота бытія зависптъ отъ чистоты и совершенства земной жизни, отъ степени осуществленія въ этой жизни высокаго христіанскаго идеала, открываетъ, что рай и адъ, смотря по внутреннему содержанію, начинается въ душѣ человѣка здѣсь на землѣ, что смерть отрѣшеніемъ плоти способствуетъ только нравственному облику личности отразиться послѣ смерти съ полною ясностію и постоянствомъ. Не найдемъ ли въ этихъ высогихъ обѣтованіяхъ нашей вѣры облегченія нашей великой народной скорби? Не должно ли наше любящее, скорбящее сердце утѣшиться сознаніемъ, что почившій Монархъ нашъ отошелъ въ вѣчность съ тѣмъ богатымъ, внутреннимъ, духовнымъ достояніемъ, которое служить залогомъ полноты бытія, неизреченной радости и блаженства, въ будущей жизни (2 Кор. 12, 3—4)? Не должно ли печаль нашу растворить христіанское упованіе, что чистая, чуткая къ добру, не стѣсняемая болѣе ни болѣзнями тѣла, ни тяжелымъ бременемъ царственныхъ трудовъ, ни всякимъ другимъ давленіемъ внѣшняго міра, полная свободы и духовнаго простора, *душа Его во благихъ водворится?*

Малы, незначительны были дни земной жизни почившаго Монарха, непродолжительно было царствованіе Его, но не долгою дней, а добрымъ употребленіемъ ихъ Господь измѣряетъ жизнь человѣческую (Пр. Сол. 4, 8—13). Не долгою земной жизни увѣковѣчивается имя и память человѣка на землѣ (Пр. Сол. 4, 10). Опытъ и исторія показываютъ, что умирають люди многожившіе, но душевно-безсодержательные, и тонуть, безслѣдно исчезаютъ въ рѣкъ забвенія и, наоборотъ, человѣкъ, мало жившій, но сильный духомъ, стремившійся осуществить въ жизни нравственно-сознательный идеаль (2 Тим. 3, 17), *волю Божію блазую и совер-*

шенную, такой человекъ живетъ долго и даже вѣковѣчно въ благодарной памяти народной. Кратковременно было царствованіе Александра III, но оно слишкомъ благотворно, содержательно, отмѣчено единой, неизмѣнной, всепроникающей идеей. Эта идея — устройство жизни и счастья ввѣреннаго Богомъ Его попеченію народа на христіанскихъ началахъ правды, мира и любви. Въ дѣлахъ великаго царскаго служенія, въ семейной и личной жизни почившаго Монарха, это проникновеніе духомъ Евангельскаго закона, это сознаніе высокаго христіанскаго идеала и стремленіе къ его осуществленію, отражались съ поразительною ясностію и полнотою.

Отличительная заповѣдь христіанства, опредѣляющая наши отношенія къ людямъ есть заповѣдь любви, той безграничной любви, которую Спаситель завѣщалъ Своимъ ученикамъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, яко — же возлюбихъ вы* (Іоан. 13, 34). Воплощеніе этой всеобъемлющей христіанской любви мы видимъ въ жизни и дѣяніяхъ почившаго Монарха. Онъ чувствовалъ, сознавалъ Себя отцомъ русскаго народа и, какъ отецъ, всецѣло и безраздѣльно любилъ Россію во всей ея совокупности, безъ различія сословій и классовъ. Это было чувство ясное, идеальное-цѣльное, христіанское. Шпротою этого чувства Онъ обнималъ всѣхъ людей, являясь вѣстникомъ мира и любви среди другихъ странъ и народовъ. Врагъ человѣческаго рода, этотъ *человѣкоубійца искони*, положивъ въ міръ начало вражды и злобы, продолжаетъ и теперь сѣять свои смертоносные плевелы во взаимныя отношенія людей и народовъ. Въ благословенные дни царствованія усопшаго Монарха, духи злобы поднебесной такъ усердно работали на поприщѣ своей адской дѣятельности, что все стало грозить нарушеніемъ мира: Европа изнемогала въ крайнемъ напряженіи силъ, готовясь разразиться ужасами войны, этого, по истинѣ, бича

человѣчества. Поставивъ задачею преуспѣваніе своего народа на незыблемыхъ началахъ христіанства, которому чужды *свары и брани*, усопшій Государь личными качествами своей христіанской души достигъ мира. Миръ былъ необходимъ, и Господь, Которому церковь ежедневно возноситъ молитву: „*миръ мірови Твоему даруй*“, въ лицѣ Александра III, послалъ человѣчеству великаго Миротворца. Никакія усилія и коварства враговъ не могли заставить Его ни на шагъ отступить отъ начертаннаго идеала. А какъ велика и многоцѣнна не только предъ людьми, но угодна предъ Господомъ заслуга земныхъ царей, полагавшихъ свое величіе не въ громѣ побѣдъ, а въ мирномъ преуспѣваніи ввѣренныхъ Богомъ ихъ попеченію народовъ. Великій избранникъ и помазанникъ Божій, царь Давидъ, предъ лицомъ Божиимъ, обязался недостойнымъ быть строителемъ храма Богу мира и любви потому только, что велъ многочисленныя войны (1 Цар. 22, 8). Недаромъ и Христосъ Спаситель носителямъ мира обѣщаетъ великую награду: особую, непосредственную близость къ Самому Источнику мира и любви: *блаженни миротворцы, яко тѣи сынове Божію нарекутся*. Ту же печать христіанскаго идеала носятъ и другія стороны дѣятельности Почившаго, какъ Верховнаго Правителя народа. Правда и честность въ самомъ высшемъ значеніи этихъ словъ были отличительною, характерною чертою Его высокой души. Въ великихъ дѣлахъ государственнаго правленія, въ людяхъ, Его обружающихъ, въ отношеніяхъ международныхъ, вездѣ и всюду Онъ хотѣлъ видѣть одну чистую, неприкрашенную истину и правдивость. Этой благороднѣйшей чертѣ своего характера Онъ не измѣнялъ никогда, мужественно противопоставляя, когда требовали обстоятельства, лжи и клеветѣ — святую правду въ словѣ и дѣлѣ. Не ясно ли, что это есть олицетвореніе другой заповѣди Евангельскаго

закона: *блаженнѣ алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣмъ насытятся.* И если бы размѣръ церковнаго слова позволялъ продолжать это сопоставленіе свойствъ и дѣйствій почившаго Монарха съ духомъ Евангельскаго закона, то мы увидѣли бы, какъ много другихъ христіанскихъ качествъ таилось въ Его прекрасной душѣ, какою полный христіанскій идеалъ Онъ стремился олицетворить въ своемъ великомъ царскомъ служеніи и личной жизни! Коротко можно изобразить характеръ Его душевнаго склада и воззрѣній: Онъ былъ христіанинъ въ полномъ смыслѣ слова и ни на престолѣ, ни въ семьѣ не разъединился съ Богомъ и святыми завѣтами нашей церкви. Преданность почившаго Государя церкви православной ясно сказывалась въ духѣ и направленіи царствованія. Своимъ свѣтлымъ умомъ Онъ понималъ, что единственный источникъ правильной и здоровой жизни на землѣ есть вѣра христіанская; понималъ, что Русь святая стоитъ и живетъ этою вѣрою, что вѣрою Христовой она возродилась, выросла и возмужала въ великій народъ, что православною вѣрою она ширится, растетъ и крѣпнеть и по нынѣ, приводя покоренныя народности въ единство русскаго народа не инымъ чѣмъ, какъ тою же русскою вѣрою и потому православіе находило въ Немъ могущественный оплотъ и сплуг. Какъ живое воплощеніе истинно-христіанскаго идеала, почившій Монархъ представляетъ высочій образецъ для подражанія. Въ наши дни пробудившагося въ обществѣ стремленія привить жизнь свою къ какому-либо положительному идеалу, взглядъ на самый идеалъ нерѣдко представляетъ невообразимую путаницу. Нерѣдко человѣческая мысль, чуждаясь послушанія церкви, вырабатываетъ пныя начала жизни, выставляетъ иные идеалы, весьма разнообразные, то болѣе, то менѣе уклоняющіеся въ сторону отъ духа истиннаго христіанства, и находятся люди, которые, къ

сожалѣнію, спѣшать стать подъ знамя этихъ скоропреходящихъ, мимолетныхъ идеаловъ, лишь бы чѣмъ-нибудь пополнить ту ужасную пустоту, въ которую погружается человѣкъ, оторванный отъ жизни церкви, какъ вѣтвь, оторванная отъ своей лозы (Іоан. 15, 4). Истинная жизнь возможна только въ живомъ, непрерывномъ общеніи со Христомъ и Его церковію, изъ которой Онъ свѣтитъ во тьмѣ міра, лжи и заблужденій, и тьма Его не одолеваетъ: *въ томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ челоѣкомъ и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма Его не обзятъ* (Іоан. 1, 4—5). Не въ величіи ли христіанскаго идеала и истинно-христіанской жизни почившаго Монарха заключается та обаятельная, неотразимая сила, которая привлекла къ Нему сердца народовъ всего христіанскаго міра и сплотила ихъ въ одномъ общемъ, великомъ горѣ?! Не подъ вліяніемъ ли Его всеогрѣвающей христіанской любви затихли челоѣчскія страсти вражды и розни, и пробудилась въ душѣ христіанскихъ народовъ забытая Евангельская идея вселенскаго братства?! Не показываетъ ли эта могучая, міровая скорбь по Царѣ—Миротворцѣ, что христіанскія начала, внесенныя въ международную жизнь, служатъ и на землѣ самымъ лучшимъ украшеніемъ Правителей народныхъ?!

Пусть же свѣтлый образъ почившаго Монарха живымъ примѣромъ научаетъ насъ, что жизненный идеалъ нашъ заключается въ исполненіи закона Евангельскаго и неизмѣнной вѣрности и преданности церкви православной; научаетъ, что прониженіе этимъ истинно-христіанскимъ идеаломъ порождаетъ въ душѣ нашей еще здѣсь, на землѣ, ту радость общенія со Христомъ и всеми о Христѣ братьями, которая была свойственна духу почившаго Монарха и которая есть предначатіе иной безконечной, высшей радости, полноты бытія, въ вѣкѣ грядущемъ, въ томъ мірѣ, гдѣ нѣтъ

болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Въ чувствѣ глубокаго благоговѣнія и преданности будемъ возносить свои молитвы Господу Богу объ упокоеніи души Почившаго съ тѣмъ непоколебимымъ христіанскимъ упованіемъ, облегчающимъ скорбь нашу, что чистая, въ вѣрѣ и надеждѣ жизни вѣчная скончавшая свое земное теченіе, *душа Его во бла-
тихъ водворится.*

Преисполненные любви и преданности къ почившему Царю-Миротворцу, перенесемъ эти чувства на Державнаго Сына Его, Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, пріавшаго вмѣстѣ съ престоломъ священные завѣты Своего почившаго Родителя. Да даруетъ Ему Господь Богъ силы и крѣпость къ прохожденію Его великаго и труднаго Царскаго служенія! Аминь.

Священникъ *Николай Поповъ.*

Рѣчь, сказанная предъ панихидою, по случаю кончины Государя Императора Александра Александровича *).

Скорбная вѣсть о кончинѣ Государя Императора, съ быстротою молніи долетѣвшая до насъ, какъ громомъ поразила всѣхъ Россіявъ. И не только насъ, вѣрноподанныхъ сыновъ Россіи, поразила эта вѣсть, но поразила народы и другихъ державъ, такъ какъ почившій Монархъ нашъ былъ не только Отцемъ для нашего отечества, но и твердымъ оплотомъ мира для всего міра. Но общее соболѣзнованіе и сочувствіе нашей отечественной скорби не уменьшаетъ сокрушеніе наше, а лишь напоминаетъ намъ, что, въ лицѣ почившаго Монарха

*) Произнесена въ Казанско-Пятницкой церкви города Рославля.